

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ПРЕСТУПНОСТЬ, ТЕРРОРИЗМ И ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО

По материалам доклада разведки США

Российские СМИ уже сообщали о новом докладе Национального разведывательного Совета США **“Глобальные тренды: парадоксы прогресса”**, подготовленного офисом Директора национальной разведки в январе 2017 года для представления в Конгрессе США. Совершенно справедливо указывалось на явно антироссийский характер доклада. Россию в докладе обвиняют во всех смертных грехах: в развязывании агрессии в различных регионах, кибератаках на США и другие страны, разжигании новой “холодной войны” и даже... в подготовке к мировой войне!

Эти положения доклада – на совести его составителей. Но в то же время нельзя обойти вниманием ряд положений доклада, которые являются плодами серьезной аналитики и представляют значительный интерес для концептуального осмысления проблем мировой безопасности и национальной безопасности России.

Многие выдающиеся ученые (Жак Аттали, Мэтью Барроуз, Элвин Тоффлер и др.) строили свои модели ближайшего будущего, исходя из того, что преступность и терроризм не только не уменьшатся, а станут реальными угрозами для человечества. На таких же позициях стоят многие исследовательские коллективы, делающие прогностические оценки в докладе разведсообщества США.

Авторы доклада, например, полагают, что, несмотря на технический прогресс последних десятилетий, глобальные тенденции указывают на темное и сложное ближайшее будущее. Преобладающая направленность изменений – это возрастание напряженности отношений в ближайшем будущем.

Меняется мировая экономика. В ближайшем будущем сохранится слабый экономический рост. Крупнейшие экономики столкнутся с сокращением рабочей силы и уменьшением прироста производительности труда. До настоящего времени странам G7 не удалось полностью восстановить экономическую ситуацию после финансового кризиса 2008–2009 гг. Они имеют большие долги, сохраняется слабый спрос. Население высказывает сомнения относительно глобализации. *Низкие темпы экономического роста будут вести к социальной напряженности в развитых странах и увеличивать бедность – в развивающихся.*

Технологии ускоряют прогресс, но усиливают противоречия. Быстрый технологический прогресс приведет к более быстрым изменениям и новым возможностям. Он также обострит противоречия между победителями и проигравшими в экономической гонке как внутри отдельных стран, так и в гло-

---

Редакция продолжает публикацию глав из книги Е. Лариной, В. Овчинского “Преступность эпохи промышленной революции XXI века”. Начало в № 3, 4, 5 за 2017 год.

бальному масштабе. Автоматизация и искусственный интеллект способны изменять экономику быстрее, чем система управления адаптируется к этим переменам. Прогресс искусственного интеллекта и робототехники ведёт к тому, что число рабочих мест, подлежащих автоматизации, намного превышает число вновь создаваемых рабочих мест, связанных с разработкой и обслуживанием сложной техники. Кроме того, автоматизация снижает зависимость развитых стран от миграционных потоков и затрудняет трансферт технологий и капитала для бедных стран.

Управление становится более трудным. Население потребует у правительств обеспечить безопасность и процветание. Однако невысокие доходы, недоверие, поляризация и разнородность запросов различных групп населения будут препятствовать деятельности правительства. Технологии позволят расширить круг игроков, которые смогут блокировать или обходить политические действия. Регулирование глобальных процессов усложнится, т. к. придётся считаться с неправительственными организациями, корпорациями и небольшими группами. Это приведёт к переходу от международной системы управления и согласований к ситуационному решению по частным вопросам.

Изменится природа конфликтов. Риск возникновения конфликтов увеличится из-за расхождения интересов среди ведущих держав, увеличения террористической угрозы, длительной нестабильности в слабых государствах и распространения смертельных, разрушительных технологий. Разрушающие общества и несостоявшиеся государства станут более распространенным явлением. Они будут обладать высокоточным оружием дальнего радиуса действия, кибер- и роботосистемами для проникновения в целевые инфраструктуры издалека и более доступными технологиями для создания оружия массового уничтожения.

В течение следующих 20 лет настоящие и будущие тенденции будут вести в беспрецедентном темпе к увеличению числа и сложности проблем. Наиболее разрушительными из них будут кибератаки, терроризм и экстремальные погодные условия.

Демографические изменения повлияют на работоспособность, социальное обеспечение и социальную стабильность. Богатый мир стареет, в то время как большая часть бедного мира – нет. Все больше и больше людей живут в городах. Некоторые из них становятся все более уязвимыми в результате природных катаклизмов. Борьба за хорошую работу приобретает глобальный масштаб, в то время как технологии разрушают рынок труда. Технологии будут способствовать расширению возможностей объединения людей со стороны отдельных лиц и небольших групп. В то же время ценности, национализм и религия будут всё больше разделять их.

На национальном уровне разрыв между ожиданиями от правительственных действий и реальными действиями будет увеличиваться. Демократия уже не может быть принята как само собой разумеющееся явление. За её сохранение придётся бороться. На международном уровне концентрация власти в отдельных элитных группах ухудшит коллективное взаимодействие в преодолении глобальных проблем.

Растет риск возникновения конфликтов. Война будет всё меньше и меньше походить на войны прошлого. Сотрется разница между миром и войной, тылом и фронтом, между регулярными подразделениями армий и иррегулярными формированиями. Всё чаще конфликты будут происходить не на поле боя, а в киберпространстве, финансово-экономической и ментальной сферах. Хронические угрозы загрязнения воздуха, нехватка воды и изменение климата станут более заметны. Это приведет к серьезным столкновениям. Среди крупных держав, элит и населения, чем дальше, тем больше, нет согласия в путях решения глобальных и региональных проблем. Динамика развития приходит в острое противоречие с расстройством системы глобального управления.

Вечно молодое население. В некоторых африканских и азиатских странах средний возраст населения будет 25 лет или меньше. Это относится к Сомали, Пакистану, Афганистану, Ираку и Йемену. Это обусловлено одновременным действием трёх факторов. В странах Азии и Африки, особенно в тех, где население исповедует ислам, очень высокие темпы рождаемости. Авторитарные режимы, находящиеся у власти в большинстве африканских и азиатских стран, не делают ничего либо делают мало для развития здравоохранения и социальной помощи. Поэтому в этих странах очень высокий уровень смертности

среди всех демографических групп и низкая продолжительность жизни. Наконец, это регионы, где практически не прекращаются войны, внутренние столкновения и очень высок уровень гражданского насилия. (А это означает, что именно эти регионы в опережающем темпе будут пополнять ресурсы террористов, наркомафии и других преступных образований. — Е. Л., В. О.)

Большинство людей живет в городах. Демографические тенденции усилят давление на правительства, особенно в сфере услуг и здравоохранения. Половина населения земного шара в данный момент проживает в городах. К 2050 г. прогнозируется рост городского населения до двух третей от всего земного населения.

Стареющие страны, которые приспособливают здравоохранение, пенсии, благосостояние, занятости и военные системы под новые обстоятельства, вероятно, успешно выдержат демографические тенденции, в то время как страны с молодым населением получают большую выгоду, если сосредоточатся на проблеме образования и занятости. (Это — в идеале, но, скорее всего, молодое население этих стран чаще будет связывать своё выживание с участием в бандах и террористических организациях. — Е. Л., В. О.)

Всё больше людей находятся в движении

Миграция сохранит высокие темпы в течение следующих двух десятилетий. Люди ищут экономические возможности, бегут от конфликтов и ухудшающихся условий окружающей среды. Число международных мигрантов достигло самых высоких показателей в 2015 г. — 310 млн человек. Получается, что один из 100 человек в мире — это мигрант. Рост числа иммигрантов и беженцев продолжится из-за глобальной экономической дифференциации, постоянных конфликтов и усиливающейся этнической и религиозной напряжённости. Число мигрирующих людей сохранится на высоком уровне или даже увеличится из-за ухудшения экологических условий в предстоящие 20 лет.

Большинство мигрантов — мужчины. Недавнее увеличение доли мужчин в миграционных потоках с Ближнего Востока, из Восточной и Южной Азии сигнализирует о напряженности.

Бедность. В настоящее время ООН установила уровень нищеты — два доллара в день в расчёте на человека. Десятки миллионов человек в Азии и Африке, а также миллионы — в Латинской и Центральной Америке живут в настоящее время на доход меньший, чем предусмотренный ООН уровень нищеты. В условиях прогресса коммуникаций эти люди стремятся вырваться из нищеты любым способом и любой ценой, пополняя ряды мигрантов (а те, в свою очередь, — ряды террористов и преступников. — Е. Л., В. О.).

Усложнение технологий в долгосрочной перспективе

Большинство крупных мировых экономик будет страдать от недостатка работоспособного населения. При этом все страны столкнутся с проблемой трудоустройства и развития высококвалифицированных рабочих. Автоматизация, искусственный интеллект, а также другие технологические новшества ставят под угрозу существование огромного числа рабочих мест в различных сферах деятельности, в том числе в высокотехнологичном производстве, и даже беловоротничковых услуг.

Нахождение новых способов повышения производительности в богатых странах станет более трудным. Факторы, которые действовали после Второй мировой войны, больше не действуют. Технологический прогресс поможет повысить производительность в развитых и развивающихся странах. Это можно обеспечить при повышении уровня образования, инфраструктуры и практики управления.

Роботы будут всё чаще заменять человека. Это приведет к снижению уровня заработной платы, а соответственно и личных доходов.

Технологии ускоряют прогресс, но вызывают противоречия

Технологии — от колеса до силиконового чипа — значительно повлияли на ход истории. Однако предсказать, как, когда и где технологии повлияют на экономику, политику и безопасность, не так-то просто. Некоторые значимые

предсказания, например, такие как холодный ядерный синтез, до сих пор не продемонстрированы в реальности. Другие технологии развивались быстрее, чем эксперты могли себе представить. В последние годы были совершены прорывы в области редактирования и манипуляции с генами, например CRISPR. Это открывает новые широкие возможности в области биотехнологий. Технологии будут продолжать расширять права и возможности отдельных лиц, небольших групп, корпораций и государств, а также ускорять темпы изменений. Это породит новые сложные проблемы и конфликты.

Разработка и использование усовершенствованных информационных коммуникационных технологий, искусственный интеллект, новые материалы, робототехника и автоматизация, усовершенствование биотехнологий и нетрадиционных источников энергии **разрушат рынки труда и изменят тип экономического развития**. Технологии заставят задуматься над фундаментальным вопросом: как это – быть человеком?

Информационно-коммуникационные технологии повлияют на множество методов и способов работы, используемых человеком. Эти технологии будут чаще и эффективнее использоваться в транспортировке, разработке, производстве, здравоохранении и других сферах. Мы уже можем заметить внедрение их в этих сферах. Они будут усиливать свою значимость, поскольку разработчики стараются заменить всё больше рабочих мест автоматическими компонентами. Рост инвестиций в искусственный интеллект, растущие продажи робототехники и основанных на облачных вычислениях платформ, работающих без местной инфраструктуры, создаст больше опасностей на рынке труда. Интернет вещей вызовет увеличение рисков в сфере безопасности. Вероятно, новые информационно-коммуникационные технологии значительно повлияют на финансовый сектор. Новые финансовые технологии, включая цифровые валюты, применение блокчейн-технологий для сделок, искусственный интеллект и большие данные для прогнозной аналитики изменят сферу финансовых услуг и окажут существенное воздействие на системную стабильность и безопасность критической финансовой инфраструктуры.

Биотехнологии находятся в переломной точке. Достижения в генетическом тестировании и редактировании, катализируемые новыми методами управления генами, превращают научную фантастику в действительность. Открывается гораздо больше возможностей усиления некоторых способностей человека, лечения заболеваний, удлинения продолжительности жизни и активного долголетия. Учитывая, что самые ранние методы диагностики и наиболее эффективные комплексные методики продления активного долголетия будут доступны только в нескольких странах, доступ к этим технологиям будет ограничен теми, кто сможет позволить себе путешествовать и заплатить за новые процедуры.

Дальнейшее развитие передовых материалов и технологий производства может ускорить преобразование ключевых секторов рынка, таких как транспорт и энергетика. Мировой рынок нанотехнологий вырос более чем в два раза за последние годы и постоянно расширяется в разных сферах – от электроники до еды.

Революция в сфере нетрадиционной энергетики увеличивает доступность новых источников нефти и природного газа. В то же время технический прогресс нарушает прямую зависимость между экономическим ростом и расходом энергии. Например, увеличение использования солнечных батарей решительно уменьшило стоимость солнечного электричества. С появлением новых источников энергии глобальные энергетические затраты останутся низкими, и глобальная энергетическая система станет всё более и более эластичной.

Новые технологии потребуют тщательного исследования, чтобы оценивать, как они воздействуют на здоровье человека, общество, государства и планету. В ближайшей перспективе будет необходимо устанавливать нормы безопасности и общие протоколы для новых информационно-коммуникационных технологий, биотехнологии и новых материалов. Немногие организации, будь то государственные, коммерческие, научные или религиозные, имеют диапазон знаний, необходимых для выполнения системного анализа, не говоря уже о предсказании технологического развития. Это подчеркивает важность объединения ресурсов для оценки и размышления над поставленными перед ними задачами.

Без регулирующих стандартов развитие и использование искусственного интеллекта — даже менее способного, чем человеческий интеллект, — будет очень опасно для людей. Оно угрожает частной жизни граждан и подрывает интересы государства. Далее, отказ разрабатывать стандарты для искусственного интеллекта в робототехнике, вероятно, снизит экономическую эффективность из-за несовместимости отдельных составляющих робототехнических комплексов с искусственным интеллектом и контролем человека.

Биофармацевтические достижения приведут к разногласиям по поводу прав интеллектуальной собственности. Если отказы от патентов и обязательные лицензии станут более распространенными, это может угрожать появлению новых лекарств и уменьшить прибыль многонациональных фармацевтических компаний. Правительства должны будут взвесить экономические и социальные выгоды от внедрения новых биотехнологий, таких как генетически сконструированные зерновые культуры, против конкурирующих внутренних соображений.

На международном уровне возможность устанавливать нормы и протоколы, определяющие этические пределы исследований и защиту права интеллектуальной собственности, обусловит техническое лидерство.

Восстание идентичностей

Год от года будет неуклонно увеличиваться разнообразие глобальной динамики. Разнообразие будет проявляться во всём: в усиливающихся различиях в экономической динамике между регионами и странами; в конкретных конфигурациях технологических новаций; в динамике доходов и уровне жизни как внутри отдельных стран, так и между странами. При всей важности и наглядности указанных выше процессов совершенно особая роль будет принадлежать восстанию идентичностей. Экономическая, информационная и отчасти политическая унификация последних 25 лет сопровождалась усилением существующих и появлением новых этнических, культурных, религиозных и иных сообществ. Эти сообщества существуют внутри государственного устройства. В одних странах границы идентичности совпадают с государственными границами. В других — нет.

Идентичность можно определить как устойчивую платформу ценностей, верований и убеждений, определяющих как повседневное поведение людей, так и их долговременные жизненные программы. Основы идентичности могут быть различными:

- ценностная — она свойственна для западной культуры;
- религиозная — она характерна для регионов, населенных мусульманами и отчасти православными христианами;
- культурно-языковая — она наиболее явно присутствует в Китае, Японии, отчасти Индии и т. п. В этих странах, несмотря на различные религии и гражданские конфликты, удается избежать войн из-за того, что глубинным основанием идентичности являются не различные верования, а единый язык и культура.

Восстание идентичностей частично связано с процессами системной динамики. Чем сложнее система, тем более независимы её компоненты. Поскольку мы сегодня живем в сложном мире, компонент идентичности стал более независимым. Его динамика входит в противоречие, например, с экономической динамикой. Последняя требует глобальной, унифицированной среды движения товаров, людей, инвестиций и информации. Любая же идентичность, в известной степени, самодостаточна и старается ограничить влияние внешнего мира на саму себя. Отсюда — очевидное неустрашимое противоречие между императивами глобального технологического, финансово-экономического и информационного развития и требованиями выживания культурных, религиозных и иных идентичностей.

Однако это неустрашимое противоречие не является полным объяснением восстания идентичностей. В условиях снижения темпов экономической динамики и формирования глобального беспорядка, опора на идентичности кажется выходом для многих политиков и власть имущих. Поскольку идентичность предполагает отдельность, то опираясь на нее, легко найти внешних врагов. Внешний враг крайне полезен слабым режимам, поскольку, с одной стороны,

оправдывает тяготы и лишения населения стран, а с другой – выступает мобилизующим фактором, позволяющим бороться с противниками власти в собственных элитах и за рубежом.

Если ранее опора на идентичность была характерна для режимов авторитарного типа, а также слабых и несостоявшихся государств, то в последние годы использование политики идентичности становится нормой для крупных западных стран.

Если в определённых условиях и в определённые исторические периоды для слабых, технически и экономически отсталых государств мобилизационная политика идентичности имеет несомненные преимущества и оправдана будущим, то использование политики идентичности развитыми, зрелыми странами губительно.

Подавляющее большинство западных стран уже не являются национальными государствами. Для крупных западных государств ушли в прошлое этническая, культурная и религиозная однородности. Современные государства представляют собой переходную форму от этнически, культурно и отчасти религиозно однородных сообществ к гораздо более сложным образованиям. Таким образованием только предстоит нащупать адекватную политическую форму, которая придет на смену нынешнему государству.

Использование в развитых странах подхода на основе идентичности ведёт к общественной фрагментации, усилению внутренних противоречий. Всё это раскручивает кризисные явления. Это плохо и для элит и для населения. Ещё хуже то, что упор на политику идентичности разваливает систему международного сотрудничества, гражданского мира и усиливает, в конечном счете, глобальный беспорядок. А глобальный беспорядок – это питательная среда для развития терроризма, преступности и усиления безответственных государств.

Экономическая депрессия во всех странах мира является оборотной стороной популизма. Популистская политика может быть успешной только в случае ведения страной крупномасштабных военных действий. В этом случае она выполняет роль обеспечения внутренней мобилизации. В таких странах, как Великобритания, Испания, Италия, а в ближайшие годы, вероятно, Германия и Швейцария, восстание идентичностей пройдет под знаменами антимиграционных настроений и регионального сепаратизма. В Великобритании популистам почти удалось выиграть референдум по выходу Шотландии из состава Соединенного Королевства. В Испании не только баски, но и каталонцы пытаются провести референдумы о создании независимых государств. Требования о проведении референдума по разделу страны выдвигает Северная лига в Италии.

Религиозная идентичность, в отличие от национальной и тем более культурной, имеет собственную логику. Можно сделать несколько прогнозов относительно значения религиозной идентичности.

Если в странах Запада в рамках восстания идентичностей лидирующую роль будет играть популизм, то в кризисных регионах, а также странах незападной цивилизации будет, чем дальше, тем больше, доминировать религиозная идентичность. Эти страны характеризуются стремительным ухудшением экономического положения, подавлением свобод и гражданских прав. Именно вера дает шанс людям выжить в столь сложной ситуации. Поэтому в ближайшие пять лет стоит ожидать глобального религиозного возрождения. В настоящее время в мире насчитывается примерно 80% верующих. Аналогичный показатель до 2000 г. составлял порядка 60%. При этом следует отметить, что опросы, проводимые ООН, не касались стран Африки, Китая и Ирана.

Совершенно по-разному проявляется влияние религиозной идентичности на Западе и, например, на Ближнем и Среднем Востоке. На Ближнем и Среднем Востоке именно религиозная, а конкретно исламская идентичность (связанная с принадлежностью к конкретному течению ислама, например, суннитам, шиитам, суфиям и т. п.) является основой любых общностей. На Западе религия оказывает влияние на экономические, политические и социальные процессы, но не является преобладающим фактором. Например, в Соединенных Штатах, по данным Pew, на результаты выборов оказывает более сильное влияние фактор – относит себя человек к верующим либо нет, нежели принадлежность к конкретной религии.

Трудности и сложности для государственной власти

В течение ближайших десятилетий власть будет принадлежать по-прежнему преимущественно государственным структурам. Правительствам в условиях неоднозначных перспектив экономического развития будет всё сложнее удовлетворить общественные запросы, обеспечить безопасность, дать отпор преступности и снизить неравенство. Эти усилия будут сдерживаться фискальными ограничениями, растущей политической поляризацией, увеличивающимся разрывом между динамикой технологий и законами и нормами, лежащими в основе государственной власти.

В ближайшие десятилетия следует ожидать появления субъектов, которые впервые за истекшие 200 лет могут если не бросить вызов государствам как главным субъектам, то, по крайней мере, серьезно ограничить их возможности и ресурсы. Речь идёт не только о крупнейших корпорациях и наднациональных организациях, типа ЕС. Всё большее значение будут приобретать глобальные религиозно-политические движения, а также субъекты, соединяющие теневой банкинг, транснациональную преступность и неформальную занятость.

Кроме того, государства столкнутся с усилением общественного недоверия и недовольства, связанным с охватившей ведущие страны коррупцией, а также эрозией законодательства. Население развитых стран будет все более недовольно де факто сложившимся различием в отправлении законодательства и правосудия применительно к элите и остальному населению. Это также увеличит вероятность протестов, нестабильности и эрозии государственных механизмов управления.

Основные направления конфликтов между государством и населением будут следующие:

Громкие протесты, например, в таких странах как Бразилия и Турция, где в течение последнего десятилетия значительно вырос средний класс, показывают, что более состоятельные граждане в большей степени, чем бедняки, критически настроены к правительствам и требуют решительной борьбы с коррупцией. Бедные слои населения особенно в социальных государствах, таких как западноевропейские страны ЕС, Канада, в последние годы США, в решающей степени зависят от государственных дотаций и пособий и поэтому готовы терпеть коррупцию и кумовской капитализм в обмен на продолжение выплат. Средний класс также требует от государства гарантий собственности и ведения деятельности. Они хотят быть уверены, что государства не отнимут у них то, что они приобрели в последние десятилетия. В то же время замедление экономического роста, давление на заработную плату роботизации и закредитованность ведущих экономик мира сужают возможность манёвра для государств в отношении удовлетворения запросов среднего класса. Кроме того, в условиях, когда государственный долг большинства ведущих стран значительно превысил размеры внутреннего валового продукта, правительства более не смогут улучшать, а во многих случаях и поддерживать сложившийся уровень доходов бедных слоев населения. В результате правительства окажутся перед двойным вызовом, как со стороны среднего класса, так и бедняков. Это может подорвать стратегию политического управления, реализуемую в большинстве стран G20 в течение последних 25 лет.

Фактором стремительного изменения политического ландшафта уже стал всё расширяющийся доступ к информации о лидерах и ведущих политиках для населения. Негативная информация о них не только подрывает доверие к источникам власти, но и делегитимизирует само государство. Яркий пример этому — события, связанные с отстранением от власти президента Бразилии в результате коррупционного скандала с Petrobras. Сочетание уменьшения финансовых возможностей государства с негативным информационным потоком о властвующих элитах неизбежно приведёт к подъёму популистского движения по всему миру. Кроме того, технологический прогресс последние 25 лет в значительной степени свёл на нет влияние политических партий и профсоюзов. Власть из согласительной стала технологичной. Это проявилось в росте числа технократических правительств по всему миру.

Разрушение представительной власти вместе с делегитимизацией элит и деструкцией системы сдержек и противовесов, базирующейся на компромиссе между властвующей элитой и иными общественными группами, партиями, приведёт в ближайшие годы к глубокому кризису демократии.

Опросы показывают, что большинство населения в развивающихся странах, особенно на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, а также в странах постсоветского пространства, считают, что правительственные чиновники “заботятся только о своих карманах и им не нужны простые люди”. Сходные процессы происходят в Соединенных Штатах и в западноевропейских странах ЕС. Согласно опросам общественного мнения, американцы в 2016 г. продемонстрировали самый низкий уровень доверия к президентской администрации за весь период проведения опросов с 1958 г. Причем кризис доверия относится не только к Вашингтону и демократической партии, но и к законодательной и исполнительной власти на уровне штатов, мегаполисов и крупных поселений, кто бы их ни возглавлял.

Угрозу для демократии создают и настроения молодежи. Исследования показывают, что в Северной Америке и Западной Европе молодёжь всё меньше интересуется политическими вопросами, отдавая предпочтения досугу и профессиональной карьере.

Растет число гибридных государств. В них смешаны элементы демократии с чертами авторитарного правления. Как правило, такие гибридные государства склонны к консервации внутренней жизни во всех её проявлениях. В условиях кризиса они разваливаются, оставляя за собой **огромные зоны нестабильности**. Freedom house сообщила, что индекс свободы в 2016 г. в глобальном масштабе сократился на наибольшее значение за последние 10 лет.

Международные институты будут стараться адаптироваться к более сложной среде, стараясь компенсировать неизбежное на интервале 10–15 лет ослабление национальных государств. Эффективность международных институтов может быть повышена в том случае, если удастся сбалансировать интересы и выровнять вклады крупных держав по таким вопросам, как поддержание мира в кризисных регионах и оказание гуманитарной помощи в районах стихийных бедствий и политико-экономических катастроф.

Следует ожидать замедление реформы международных и региональных институтов, а также возрастание препятствий при создании новых организационных структур международного характера. В решающей степени это будет связано с неизбежным в ближайшие 10–15 лет кризисом национальных государств из-за снижения темпов экономического роста, возрастания долговой нагрузки и старения населения. В этих условиях неизбежен рост популизма и народнических настроений, а также стремление к возведению таможенных барьеров.

Кризис международных институтов еще более ослабит национальные государства. Терроризм, киберпреступность, трансграничный криминал не ограничены рамками национальных государств и будут действовать как глобальные структуры. В условиях практически неизбежного кризиса международных институтов и возрастания политического и экономического национализма это чревато не только кризисом международного масштаба, но и внутренними проблемами для всех развитых государств.

Проблема права вето. Конфликт интересов между слабеющими национальными государствами в рамках разрешения споров ставит на повестку дня вопрос проведения реформы членского состава Совета безопасности ООН. Сегодня всё большая часть стран и политических сил требует реформировать Совет безопасности ООН и изменить порядок применения права вето. Однако Устав ООН с консенсусным характером принятия решения о подобной реформе делает её практически нереализуемой. В этих условиях роль ООН в ближайшие 15 лет будет падать. Каждая из стран, участвующих в том или ином конфликте, будет стараться предложить собственные площадки для разрешения споров. Поскольку у государств в международных конфликтах имеются различные, иногда противоположные, интересы, то неизбежна конкуренция площадок. В условиях конкуренции ни одна площадка не может предложить полностью легитимное решение. Поэтому следует быть готовым, что ныне имеющиеся конфликты будут длиться десятилетиями или вплоть до полного исчерпания ресурсной базы конфликта. Вновь возникающие конфликты будут отличаться большой длительностью, ожесточенностью и иметь тенденцию втягивать в военные действия всё новых и новых участников.

Драматическое отставание юридической и политической системы государств от технологического развития. Существующие институты не

способны эффективно регулировать нетрадиционные вопросы, такие как синтетическая биология, искусственный интеллект, совершенствование человека, как в части законодательной и правоприменительной практики, так и в практической деятельности. Темпы технологических изменений значительно опережают возможности государств, агентств и международных организаций по установлению и применению юридических норм, технических стандартов, управленческой политики. Это порождает всё более увеличивающийся трагический дисбаланс между возможностями и полномочиями государств в новых сферах. Это благоприятствует наращиванию потенциала террористов, преступников и субъектов кумовского (дружеского) капитализма. Это особенно верно для киберпространства, где частные коммерческие акторы и преступные структуры играют де факто большую роль в формировании тенденций развития, чем государство.

Многомерная многосторонность. В условиях кризиса национальных государств и международных институтов, наиболее динамичные акторы будут стремиться к заключению многосторонних соглашений по все ширящемуся кругу вопросов. Сторонами таких соглашений могут быть не только и не столько национальные государства, сколько частные компании, организации гражданского общества и местные, а также региональные органы власти. Например, уже сегодня в Великобритании ведущие IT-компании, типа Google, заключают прямые соглашения, в которых участвуют не правительство Великобритании, а органы власти Шотландии, Уэльса, различные общественные организации и мэрия Лондона.

В следующие 20 лет будут нарастать риски возникновения конфликтов, в том числе межгосударственного характера. Конфликты будут порождать не только соперничество между крупными державами, но и их увлечение гибридными и прокси-войнами. В межгосударственных конфликтах всё шире будут участвовать ЧВК, иррегулярные воинские образования, рекрутируемые из бывших военных и криминала и т. п. Данный фактор в сочетании с нарастанием глобальной террористической угрозы и усилением нестабильности в несостоявшихся и гибридных государствах особо взрывоопасен в условиях распространения смертоносных и разрушительных технологий.

Ожидается перелом тенденции, имевшей место в последние 30 лет и связанной со снижением числа и интенсивности конфликтов. Вероятно, в предстоящие 20 лет число, разнообразие и интенсивность конфликтов увеличатся. Соответственно заметно возрастёт не только смертность на поле боя, но и потери среди гражданского населения.

В условиях, когда небольшие террористические, повстанческие и преступные группы могут иметь на вооружении технологии массового поражения, может возникнуть уникальная ситуация, отбрасывающая нас в Средневековье, когда с бандами преступников и отрядами наёмников воевали государства. Эта тенденция уже проявляет себя. Согласно данным, количество, интенсивность, человеческие и экономические издержки конфликтов неуклонно растут, начиная с 2011 г.

История гражданских конфликтов в Египте, Ливии, Сирии, на востоке Украины показывает, что для подобных конфликтов характерно стремительное нарастание числа независимых друг от друга участников, вплоть до полной неразличимости повстанцев, террористов и криминальных группировок. Главная опасность конфликтов подобного типа состоит в том, что в них, так или иначе, участвуют в виде сил поддержки крупные державы. Соответственно неуправляемые локальные конфликты вписаны в глобальный геополитический контекст и повышают риски возникновения серьёзных кровопролитных конфликтов. Принципиальной чертой следующих 30 лет является стирание граней между военными и невоенными инструментами, между войной и миром, между юридическими нормами, применимыми в мирной и военной жизни. Более того, в ходе таких конфликтов стираются чёткие грани между повстанцами, преступниками и террористами. Это становится огромной проблемой для всех крупных держав.

Будущие конфликты предполагают расширение сферы противоборств. Наряду с военной и дипломатической, противоборства будут происходить в информационной, психологической, экономической и технологической сферах. В будущих конфликтах более слабая сторона будет максимально уклоняться от традиционных военных действий и сосредотачивать свои усилия на

террористических атаках против мирного населения и разрушении критической инфраструктуры противника. Инициаторы конфликта будут уходить во всё более глубокое подполье.

Война в физическом пространстве будет всё более приближаться по своему характеру к войне в киберпространстве. Идеалом для инициаторов подобных конфликтов будет ситуация, когда невозможно разобрать, кто, за чем и против кого воюет. Первый пример такого рода конфликта можно наблюдать в настоящее время в Сирии.

Для инициаторов конфликтов нового типа главным инструментом станет целенаправленное стравливание между собой этнических, религиозных, культурных, экономических и политических групп и их максимальное раздробление. Данная технология позволяет нарушить инфраструктуру общественного сотрудничества, которая является основой функционирования любого государства, возможно не менее важной, чем сама государственная власть. Такая стратегия направлена на максимальное обезличивание инициаторов при минимизации их расходов с их перекладыванием на население и различного рода группы внутри страны – поля конфликта.

Подрывные группы. В последние годы проявилась тенденция, которая будет оказывать влияние в течение ближайших 20 лет. Негосударственные группы, в том числе террористы, боевики, преступные группировки и активисты, будут иметь всё более широкий доступ к всё более разнообразному спектру летальных и нелетальных средств огневого, инфраструктурного и поведенческого поражения. Уже сегодня такие группы, как Хезболла и ИГИЛ, получили доступ к самому современному вооружению и широкому спектру технологий. Они включают в себя не только противотанковые ракеты, ракеты класса “земля-земля”, дроны, но и современные виды программно-аппаратных средств информационного и поведенческого воздействия. Ранее такие вооружения были монополией государственных армий. Есть основания полагать, что неконтролируемая диффузия вооружений будет продолжаться.

Дополнительным фактором станет повсеместная доступность кибервооружений, которые уже сегодня могут нанести ущерб, превосходящий разрушения, вызванные огневым оружием. Появление у деструктивных группировок всё более разрушительных вооружений неизбежно будет побуждать государства и коалиции к превентивным, опережающим действиям против них. Это в свою очередь начнет раскручивать спираль конфликта, циклы насилия и придавать им всё более идеологический характер, вплоть до религиозных войн.

Удаленные войны. Господствующей тенденцией конфликтов нового типа станет стремление государств и негосударственных акторов вести так называемые неопознанные войны. Неопознанные войны предполагают акцент на дистанционных действиях. Дистанционные атаки будут осуществляться как комбинация кибератак, использования высокоточного оружия, роботизированных систем и беспилотного оружия с применением средств поведенческого и психологического воздействия.

Дистанционные атаки ведут к снижению порога для начала конфликта. В то же время войны, как обмен дистанционными атаками, ломают равновесие между мечом и щитом. В удалённых войнах гораздо больше, чем в обычных, преимущество получает тот, кто атакует первым. Конфигурация конфликтов такого типа в решающей степени будет зависеть от способности одной из сторон конфликта не позволить другой навязать обычные военные действия или перенести военные действия на территорию напавшей страны. В этой связи, несмотря на кажущийся менее кровопролитным характер войн издавна, они имеют гораздо больший, чем традиционные войны, потенциал неуправляемой эскалации. Кроме того, в таких войнах даже на первом этапе неизбежно будут задействованы не только дисциплинированные воинские подразделения или даже террористические сети, но и никому не подчиняющиеся повстанческие отряды, сформированные из бывших преступников, или преступные группы, называющие себя повстанческими отрядами.

Будущие кризисы неизбежно будут иметь гораздо больший эскалационный потенциал и меньшую управляемость, чем традиционные войны. Поскольку стороны – инициаторы конфликта будут иметь равные стимулы, чтобы нанести удар первым, до того, как они подвергнутся нападению.

В удалённой войне целями первого порядка станут телекоммуникации, а соответственно спутниковые группировки, их поддерживающие.

Проблема нового оружия массового поражения

В ближайшие годы следует ожидать появление новых типов оружия массового уничтожения неядерного характера. Эти виды могут нарушить сложившийся военный баланс между ядерными державами. В этих условиях государства, обладающие ядерным оружием, будут стремиться к его наращиванию с тем, чтобы отразить риски появления новых типов. Определенную угрозу составляет бряцание оружием со стороны Северной Кореи, а также сохранившаяся неопределенность по поводу намерений и возможностей Ирана заполучить ядерное оружие.

Потенциально самой большой угрозой миропорядку является использование в качестве оружия достижений биотехнологий и синтетической биологии. Эти технологии практически недоступны для международного контроля в его сегодняшнем виде, а по разрушительной мощи не уступают ядерному вооружению. Имеются данные, что стремление овладеть подобного рода оружием наличествует не только у деструктивных государств типа Северной Кореи и Ирана и известных террористических организаций типа ИГИЛ и Хезболла, но и преступных группировок.

В ближайшие два десятилетия вполне возможен крах слабых государств, обладающих определенной научной базой, в том числе на территории Европы и Центральной Азии. Это открывает путь для овладения террористами и преступниками лабораториями и специалистами, способными произвести оружие массового поражения. Кроме того, возможна несанкционированная передача оружия массового поражения террористам и преступникам из государственных арсеналов в слабых и несостоявшихся государствах.

Конфликты в серых зонах. Размывание грани между войной и миром, между армиями национальных государств, ЧВК и различного рода иррегулярными формированиями, между полноценными военными действиями, спецоперациями и террористическими актами, между непосредственными войнами и прокси-конфликтами меняет динамику современного мира. Чем дальше, тем больше эта разница будет стираться. Многие силы в современном мире заинтересованы в последовательном расширении серой зоны конфликтов. Их наиболее точным определением будет являться состояние – ни войны, ни мира. Впервые этот термин применил Л. Троцкий в революционные годы.

Характерной чертой конфликтов в серых зонах является изменение соотношения между летальными и нелетальными компонентами конфликта. На протяжении всей истории сердцевинной, кульминацией конфликта выступало применение летального оружия. Именно это подчеркивало высказывание: «Война – это продолжение политики иными средствами».

В ближайшие 20 лет наряду с традиционными военными конфликтами все большую роль будут играть конфликты, где применение летальных вооружений являются вспомогательным компонентом. Основные противоборства будут вестись в финансово-экономической, технологической, информационной, поведенческой, экологической сферах, и, конечно же, в киберпространстве.

Проблема воды – ключевой фактор геополитики XXI века

При трёх основных сценариях климатической динамики в ближайшем будущем: соответственно похолодании, потеплении и усилении волатильности или неустойчивости климата в мире будет нарастать проблема обеспечения населения и экономики пресной водой.

Данная проблема выходит за рамки экологии и в значительной степени порождена урбанистикой и социальными процессами. Человечество на протяжении всей истории использует примерно одни и те же водные ресурсы. Проблема состоит в том, что эти же ресурсы используются для решения промышленных, транспортных и иных задач. Кроме того, в последнее 15-летие по экспоненте развивается процесс переструктурирования зон расселения.

Мегаполисы и агломерации всё более сдвигаются из глубин континентов и территорий в прибрежные районы морей и океанов. По некоторым данным, если ещё в 1950 г. в промышленно развитых государствах в прибрежных районах проживало не более 15–17% населения, то теперь эта доля перевалила за 50%. При этом в прибрежных районах зачастую гораздо более неблагопри-

ятная ситуация с пресной водой, чем во внутриконтинентальных с их реками и озерами.

Пресная вода, получаемая человечеством из рек и озер, как правило, протекающих по территории нескольких государств, в течение столетий была предметом конфликтов, включая войны. Именно для преодоления конфликтов, связанных с водой, стали заключаться первые крупные международные правовые соглашения. В этом смысле вода в известной степени лежит в основе нынешнего мирового юридического порядка.

Ещё более опасная ситуация сложилась с системами водоснабжения крупных городов и агломераций. По имеющимся данным, в странах G20 не менее трети систем городского водоснабжения находятся в руках компаний, связанных либо замеченных в связях с криминалом. Реальная доля может быть ещё выше.

Принимая во внимание тесную связь криминала с терроризмом, системы городского водоснабжения являются одной из критических систем жизнеобеспечения цивилизации. Кроме того, в западноевропейских странах ЕС в 2016 г. до половины работников, обслуживающих системы городской канализации европейских мегаполисов, были мигрантами, преимущественно мусульманского вероисповедания. Подавляющая часть из них являются гражданами соответствующих стран, зачастую мигрантами во втором и третьем поколении. Однако в условиях нехватки средств в городских бюджетах и наличия связей компаний-эксплуатантов и владельцев систем городского водоснабжения с криминалом в структуре занятых постоянно растёт доля нелегальных мигрантов. Они в значительно большей степени, чем легальные мигранты, подвержены влиянию джихадизма и прямо или косвенно связаны с ультрарадикальными движениями и группировками. Это также ведёт к растущим рискам.

Резонансные тенденции перемен

Все вместе глобальные тенденции делают мировую динамику всё менее управляемой и проектируемой. Возрастание числа и сложности вопросов затрудняет их решение в привычных рамках национальных государств и их международных организаций. Особую опасность вызывают темпы перемен. Они в течение последних 50 лет стремительно нарастают и имеют все более разную направленность. Например, в последние 10–12 лет, после исторической паузы, ускорился технологический процесс. Развитие технологий в значительной степени является автономным и слабо зависит от других факторов. Оно практически не поддается управлению в национальном и международном масштабах. В частности, это выражается в провале неоднократно предпринимаемых в последние десятилетия попыток затормозить то или иное направление рискованных технологических новаций.

В противовес технологическому прогрессу, на значительной части планеты нарастают деструктивные процессы, связанные с архаизацией сознания и поведения десятков миллионов человек. В перспективе 20 лет наибольшую угрозу международной безопасности создает не один фактор или процесс сам по себе, а именно их разнонаправленная динамика.

На фоне динамичных и разнонаправленных тенденций и усложнения человеческого общества стремительно нарастает число государств и иных акторов, способных оказать влияние в геополитическом масштабе. Более того, в мире, где в полной мере проявился закон Тоффлера о нарастании разрушительной мощи технологий, находящихся в распоряжении всё меньших групп людей, вплоть до одного человека, не может идти речи ни о каком однополярном мире.

Динамика технологий ведёт к расширению возможностей отдельных небольших групп и даже лиц, оказывает воздействие не только на другие группы, компании либо территориальные органы власти, но и в целом на национальные государства и даже геополитику. Это коренным образом меняет баланс глобального расклада сил, а также характер и природу конфликтов.

Развитые государства начинают чувствовать последствия разрыва социального контракта в обществе, снижение доходов среднего класса и возвышение сверхбогатых. Ответом на эти процессы стала волна популизма и народничества во всех ведущих странах мира. Однако гораздо большие потрясения

могут вызвать внутренние гражданские конфликты в странах постсоветского пространства во главе с Россией, а также в Южной Африке. В этих регионах имеются значительные слои высокообразованного населения, обладающие навыками работы со сложными техническими устройствами и программной средой. Именно эти страны пострадают больше развитых от неизбежного глобального экономического кризиса.

Подавляющая часть населения этих стран будет опять возвращена в нищету, из которой она с трудом выбралась. Сочетание высокого профессионального общеобразовательного уровня с обнищанием и растущей технологической разрушительной мощью небольших групп – это очень опасная и деструктивная смесь. В первую очередь от неё пострадают страны, где происходят эти процессы, а затем настанет очередь развитых стран.

Новые угрозы национальной безопасности

Возрастание мощи небольших групп, а соответственно повышение потенциала противостояния террористов, преступников и иных деструктивных акторов национальным государствам и гражданским обществам обусловлено рядом причин:

Ключевым фактором повышения могущества малых групп и индивидуумов является развитие информационно-коммуникационных технологий. С одной стороны, развитие этих технологий привело к интернету всего, а соответственно к возможности не только разрушить, но и взять под управление любые системы, связанные с интернетом через киберпространство. С другой стороны, информационно-коммуникационные технологии резко удешевляют производственные процессы и делают доступными многие изделия, оборудование и т. п. для небольших групп. Наконец, информационные технологии в значительной мере развиваются вне системы защиты интеллектуальной собственности на основе решений с открытым программным кодом. Соответственно небольшие группы и даже отдельные граждане могут получить новейшие разработки критических технологий, например, искусственного интеллекта, по сути, бесплатно;

Смена технологических, институциональных и юридических основ глобальной финансово-экономической системы открывает возможность для различных акторов – от преступных синдикатов до религиозных групп – бесконтрольно отмыывать, накапливать и транспортировать деньги и иные активы. Согласно имеющимся данным, в офшорах, находящихся в основном под британской и голландской юрисдикциями, находится сейчас примерно 6 трлн долларов из общей суммы 19 трлн долларов в офшорах. Теневой банкинг набирал силу в течение последних 40 лет. Однако в силу используемых в настоящее время бухгалтерских, финансовых и правовых решений, при наличии политической воли со стороны международного сообщества, все эти 6 трлн могут быть в течение дня заблокированы. Банки, а соответственно, регуляторы хорошо знают, кому принадлежат эти деньги, когда и в соответствии с каким контрактом они получены. Лишь отсутствие политического решения позволяет современной банковской системе не предоставлять информацию и не осуществлять соответствующих конфискационных действий.

Однако стремительное развитие криптовалют, нерегулируемых платежных сервисов, множества платформ новых финансов типа краудинвестинга, краудлэндинга и т. п. ставит крест на банковской системе, базирующейся на господстве центральных банков, национальной юрисдикции и хранимых транзакциях. Особенность новой финансовой экономики такова, что даже при наличии политической воли чем дальше, тем больше понять источники и локацию финансовых средств или иных активов не представляется возможным;

Свою лепту вносит многофункциональный характер любой современной технологии. Практически одни и те же механические узлы, компьютерные программы и технологические решения могут быть использованы как в военной и гражданской, так и в преступной и террористической деятельности. Подавляющее большинство новых высоких технологий появляется на широком рынке даже быстрее, чем у государства. В сочетании с эффективными системами рекрутинга и телекоммуникаций это резко повышает могущество негосударственных деструктивных сил, включая повстанцев, террористов, преступников и т. п.

В последние два-три года мир стал свидетелем беспрецедентного использования информационной среды для обеспечения управляемой деградации когнитивных процессов в обществе, его фрагментации и дезинформации.

В информационной сфере сегодня возобладали деструктивные процессы. Если в ближайшее время не будут осуществлены решительные действия, то именно они определяют информационный ландшафт двух ближайших десятилетий. Если в течение первых 25 лет развития интернета киберпространство объединяло людей доброй воли и создавало беспрецедентную среду знаний, торговли и общения, то в следующие 25 лет информационная сфера может стать местом разрушения ценностей и основ общества, подрыва любых общих интересов и полем глобальной информационной войны.

Ответственность за происходящие процессы несут такие компании, как Google, Facebook и т. п. Именно эти компании создали интернет-пузыри. Именно они в погоне за аудиторией подталкивали сегментацию общества на сообщества. Именно они перечеркнули разницу между реальностью и вымыслом, одинаково представленными в поисковой выдаче и сообщениях в Twitter. Именно они открыли дорогу к постправде как к основному содержанию контента нынешнего интернета.

Борьба без правил в информационном пространстве на межгосударственном и внутригосударственном уровне приведёт к тому, что сложившиеся политические классы перестанут существовать, гражданские общества будут дезорганизованы и деморализованы. Соответственно выгоду получают небольшие радикальные центры по всему политическому и идеологическому спектру.

Повышение могущества отдельных лиц и групп имеет преимущественно деструктивный, а не конструктивный характер. Малые группы непримиримо настроены к гражданскому обществу, могут добиться очень многого в разрушении, но не в выработке конструктивных решений или достижении консенсуса противоречивых интересов, имеющихся в каждом обществе.

Особо уязвимы для малых групп:

— **Демократические правительства.** Малые группы способны создать большие трудности в любых согласованных усилиях по формированию широких коалиций на основе компромиссных общих интересов. Даже в случае достижения компромисса малые группы способны затруднить их практическое выполнение.

— **Политические партии.** Малые группы заинтересованы в подрыве традиционных политических партий как инструмента агрегации отдельных групп интересов. Наиболее дальновидные малые группы ведут долговременную работу по захвату политических партий изнутри путем их фрагментации и радикализации отдельных течений.

— **Авторитарно настроенные лидеры.** Малые группы в рамках много-сегментного интернета, появления Р2Р сетей, распространения средств анонимизации способны при относительно долговременной активности расколоть любое информационное единство. За счет активных действий в информационном пространстве, которые требуют на порядок меньше ресурсов, чем физические действия, малые группы способны создать эффект представления себя в качестве влиятельной политической силы. Данный эффект может быть перенесен, в конечном счете, из виртуальности в реальность. В итоге малые группы, действуя непреклонно и последовательно, могут брать под свой контроль большие сообщества.

Изменение природы силы

Глобальные тенденции затрудняют международное сотрудничество и регулирование. Они ведут к ослаблению и диффузии традиционных форм власти, прежде всего, национальных государств. Это связано не только с институциональными изменениями, но и с сокращением возможностей государств в проведении активной политики, как во внешней среде, так и во внутренних делах. Это относится практически ко всем без исключения крупным государствам.

Предстоящее 20-летие вполне вероятно будет характеризоваться в среднем более низкими темпами роста внутреннего валового продукта, расходов на потребление и темпами роста численности населения. Практически не вызывает сомнений, что в ближайшие десятилетия все ведущие государства ожидают тяжелейший глобальный кризис. Выход из него может длиться продолжительное время, вплоть до 7–15 лет.

Неблагоприятные тенденции в области экономического роста будут накладываться на растущее могущество негосударственных акторов, включая террористические организации, преступные сети и сообщества активистов.

Государства и крупные организации, включая корпорации, даже не приступили в настоящее время к разработке программ классификации опережающего распознавания и отражения угроз со стороны компактных групп, включая активистов, преступников, а также групп политического действия и религиозных фанатиков.

В мире предстоящих десятилетий будут действовать как независимые субъекты национальные государства, международные институты, корпорации, наднациональные элитные и иные организации, деструктивные организации, новые, в том числе насильственные, религиозные движения, а также небольшие и малые группы, преследующие свои эгоистические интересы. Всё это будет происходить на фоне усиления неустойчивости, возрастания сложности и падения темпов глобальной динамики.

Аналитики разведсообщества США выделяют наиболее опасные и принципиально новые угрозы народу Соединенных Штатов Америки и другим странам:

– **Интегрированные образования глобального или регионального характера, в состав которых входят террористические и криминальные группировки, легальные общественные организации и религиозные микроконфессии и даже политические объединения и легальные экономические и финансовые структуры.** По располагаемым ресурсам такие группировки могут превосходить некоторые средние, а то и крупные государства. При этом, в отличие от государств, они будут действовать вне и поверх границ, не соблюдая правовых норм;

– **Глобальные религиозно-террористические движения.** В настоящее время подобные движения используют в качестве своей общей ценностной базы различные направления ислама. Это – известные ИГИЛ, Аль-Каида, Талибан и т. п. Есть основания полагать, что нынешний ИГИЛ – это лишь первоначальная локализованная форма всемирного халифата. Он останется субъектом международной политики на десятилетия. Если сегодня борьба с ИГИЛ предполагает в первую очередь удаленные военные действия на Ближне- и Средневосточном театрах военных действий и контртеррористическую борьбу в других регионах мира, то в ближайшее время ИГИЛ, вероятно, перенесёт противоборство с крупными державами во все сферы.

Нет оснований полагать, что террористические организации для идеологической подкладки будут использовать исключительно ислам. Такой же потенциал есть у ортодоксальной православной церкви и некоторых направлениях протестантизма. Возможно возрождение на новой основе анархо-террористических организаций, чьей экономической базой является наркотрафик и эксплуатация природной среды, а идеологической – католицизм в форме теологии освобождения в Латинской Америке;

– **Локальные, в том числе небольшие группы действия.** Такие группы будут состоять из высокообразованных, технически компетентных и профессионально продвинутых людей с экстремистскими убеждениями. Прообразами таких малых групп являются хакерские группировки, а также некоторые группировки цифровых активистов. Историческими предшественниками групп действия были состоящие в основном из интеллектуалов “Красные бригады” в Италии и Ротеарми Баадера – Майнхоф в ФРГ в XX в. Роль и значение этих групп, масштабы используемых ими ресурсов и возможности воздействия не только на внутреннюю, но и на международную политику будут нарастать от года к году.

Ближайшее будущее: растущая напряжённость

Сочетание отмеченных выше долгосрочных глобальных тенденций с действием вероятного циклического, охватывающего всю мировую экономику, экономического кризиса при наличии острых противоречий во многих регионах мира будет определять политический ландшафт в течение следующих пяти лет. Ожидается заметное усиление напряженности и конфликтности во всех регионах. Эта конфликтность будет носить как международный, так и внутри-страновой характер.

На фоне расстройств мирового порядка и ослабления власти национальных правительств будет расти угроза со стороны терроризма и организованной преступности. Национальным государствам будет брошен вызов со стороны транснациональных корпораций на одной части спектра и малых высокотехнологичных групп – на другой.

Усиление напряженности скажется на государственной власти во всех развитых странах независимо от типа правления. В демократических странах у различных групп интересов и слоев населения будет углубляться недоверие к традиционным западным институтам политической власти из-за их неспособности обеспечивать в новых условиях учёт чаяний всех групп и новый социальный консенсус.

В авторитарных странах, в том числе с клановым капитализмом, сочетание экономических трудностей с нарастающими внешнеполитическими, в том числе террористическими угрозами приведет к падению уровня жизни подавляющей части населения в сочетании с ужесточением авторитаризма правящих элит. Это безальтернативно закончится социальными волнениями, внутринациональной напряженностью и расколом элит, чем не преминут воспользоваться внутренние деструктивные силы и международный терроризм.

В следующие пять лет будет нарастать напряженность в международных отношениях, вплоть до начала новых межгосударственных и международных конфликтов.

В условиях ослабления внутренней политической власти, углубляющегося раскола элит и недовольства населения политическим классом будут возрастать масштабы и разрушительная мощь террористических сетей, преступных организаций и деструктивных малых групп. Вероятно, следующее пятилетие войдет в историю как пятилетие глобального беспорядка. Он охватит всю мировую систему. В каждом регионе глобальный беспорядок будет иметь свои специфические черты.

Растущая угроза терроризма

Угроза терроризма будет, вероятно, нарастать во всех регионах планеты. Растущая глобальная нестабильность, затяжные конфликты в различных регионах мира и технологическая революция открывают невиданные перспективы для террористов. Несмотря на то что терроризм убивает во всем мире людей на порядок меньше, чем не только болезни, но и автомобильные аварии, он признается сегодня наибольшей угрозой.

Определенной проблемой, к которой причастно и разведывательное сообщество, является проблема информирования общества. Разведки и правительства всех стран мира столь долго говорили об апокалиптических последствиях террористических актов, что население Америки, не видя массовых терактов с событий 11 сентября 2001 г., перестало в это верить. Следует четко сказать: крупные теракты в развитых странах имеют низкую вероятность. Однако подобного рода маловероятные события, когда они всё-таки случаются, могут полностью изменить политический ландшафт, экономическую динамику и просто обыденную жизнь граждан. Терроризм, в отличие от дорожных происшествий, является угрозой, которая разрушительна не только при осуществлении, но и при ожидании.

В последние годы идет незаметный и совершенно не понятный для политического руководства процесс переплетения, а точнее, использования террористическими структурами догматов тех или иных верований, прежде всего ислама, его организационных и социальных инфраструктур. На протяжении истории именно вера была наиболее мощным фактором мобилизации элит и масс. Именно вера запускала все основные процессы, перекраивающие карту мира, изменяющие судьбы континентов. За пределами понимания многих аналитиков остается тот простой факт, что вера глубже и сильнее воздействует на человека, чем ценности. Вера не сводится к ценностям. Ценности являются лишь одним из её компонентов, однако не главным.

Поэтому правительства и гражданские общества Северной Америки и Европы недооценивают угрозу ИГИЛ. ИГИЛ – это террористическая организация, в известном смысле порожденная и пронизанная одним из течений ислама. Для простоты привилось наименование джихадизм. Но оно является неправильным. Джихад – это священная война. В джихаде могут участвовать любые мусульмане, будь то шииты, сунниты, суфии и т. п.

Вследствие недостаточного внимания к анализу теологической проблематики терроризма, Запад не понимает, что ИГИЛ — это не одно из ответвлений салафизма или ваххабизма, к которым он не имеет никакого отношения, а уникальное течение ислама, специально адаптированное для быстрого понимания и принятия людьми, даже первоначально далекими от ислама. ИГИЛ рассматривается как террористическая организация. Зачастую даже в документах внутреннего пользования, а тем более в меморандумах, рассчитанных на политическое руководство и широкую публику, западное разведывательное сообщество привыкло перечислять через запятую ИГИЛ, Аль-Каида, Джебхад ан-Нусра, Талибан и т. п.

На основании анализа всего основного корпуса теологических трудов богословов, близких к ИГИЛ, имеющихся в распоряжении видеокурсов и проповедей, а также практики этой организации можно сделать вывод, что ИГИЛ не является типичной джихадистской террористической организацией, типа Аль-Каиды, а представляет собой своего рода военно-религиозный орден. В отличие от орденов древности и Средневековья, он в своей деятельности использует высокие технологии, опирается на разнообразные организационные структуры и действует по всему миру.

Однако, по сути, он является именно орденом, т. е. боевой организацией, силой и молитвой распространяющей определенное религиозное учение всюду, где это возможно. Такая постановка вопроса позволяет по-новому посмотреть на стратегию и тактику ИГИЛ. Она позволяет излечиться от иллюзий относительно того, что взятие Мосула или Ракки будет означать победу и конец ИГИЛ. Любой орден предполагает мученичество. Чем больше игиловцев и мирного населения погибнет в Мосуле и Ракке, тем больше шансов, что ИГИЛ активизирует свои спящие ячейки в Европе, Америке и в России.

Аналитики разведки США прогнозируют: в течение ближайших пяти лет, несмотря на военные успехи, не удастся не только победить, но и сколько-нибудь сильно ослабить терроризм. Террористические насильственные структуры, базирующиеся на тех или иных направлениях ислама, будут оставаться фактором международной политики. Наиболее опасной, но вполне вероятной тенденцией в течение ближайших пяти лет станет перемещение активности ИГИЛ как наиболее мощной исламистской террористической организации с истощенных войной ресурсных площадок суннитских районов Ирака и Сирии в Ливию и Пакистан. В обеих этих странах сегодня существуют мощные подразделения ИГИЛ, которые контролируют определенные территории и обладают воинскими подразделениями. Выход в Ливию фактически открывает для ИГИЛ южное подбрюшье Европы. Оперирование в Пакистане позволяет ИГИЛ вплотную подойти к овладению ядерным оружием.

Вряд ли в течение пяти лет следует ожидать появления подобных ИГИЛ военно-религиозных орденов террористической направленности на базе иных вероисповеданий. В более длительной перспективе это практически неизбежно. В то же время возможно, что уже в ближайшие пять лет возникнут первичные ячейки подобного рода орденов в Центральной и Тропической Африке на базе совмещения ислама с местными культами. В Индии — на базе индуизма, особенно шиваистского направления. В России — на базе православия.

В Индии возникновение религиозных террористических организаций нового типа может произойти в ближайшие годы. В настоящее время у власти в стране находится правительство, созданное коалицией партий, тесно связанных с воинственными направлениями индуизма. В случае, если правительство столкнется с внутренними и внешними трудностями и в стране усилится социально-этническая напряженность, вполне вероятно, что правительство негласно будет способствовать созданию шиваистских боевых организаций. Эти организации будут нацелены на всемерную поддержку правительства и проведение репрессий против более бедных слоев населения, принадлежащих к племенам дравидов — коренного населения Индии и Цейлона. Однако за пределами Индии эти организации могут быстро мутировать в террористические структуры экстремистско-сектантского характера. С учетом миллионов индусов, проживающих в Великобритании, Соединенных Штатах, это может стать дополнительным фактором, который осложнит и без того напряженную обстановку в этих странах.

Помимо религии, психологические и социальные факторы будут способствовать усилению террористических организаций и усилению активности

наряду с террористическими сетями и орденами небольших групп и даже единичных террористов. К этим факторам относятся:

– **Растущий уровень отчуждения и атомизации внутри всех развитых стран.** Повсеместно социум всё более фрагментируется и разобщается по всё большему числу признаков. Угнетаемое меньшинство, либо наибольшее меньшинство, которому противодействует коалиция малых меньшинств, может увидеть в терроризме единственный способ защиты своих интересов.

– В современных динамичных и фрагментированных обществах для угнетаемых групп и индивидуумов единственной защитой становятся семейные и родовые связи, а также сообщества выходцев из одного населенного пункта или сельской местности, а также религиозные центры. Они являются важным фактором, вовлекающим индивидуумов в террористические организации.

– **Кризис западной идентичности.** Потребительская ориентация обществ Северной Америки и Европы вызывает протест у определённых групп населения, в основном молодёжи. Те группы, которые склонны к пассивному протесту, как правило, примыкают к различного рода новым религиозным культам, а сторонники активных форм протеста, в зависимости от обстоятельств, либо вливаются в ряды экстремистских несистемных политических организаций, либо пополняют ряды террористов.

– **Кризис государства.** Северная Америка и Европа в XXI веке под воздействием экономических сложностей переживают кризис социального государства. Если в XX веке государства в Европе и Америке вкладывали значительные средства и усилия в интеграцию вновь прибывающих мигрантов в западное общество, то в XXI веке победила доктрина мультикультурализма. Это произошло не вследствие несуществующего либерального заговора, а сугубо по финансовым причинам. Мультикультурализм предполагает проживание в рамках одного государства различных этноконфессиональных групп, сохранивших свою идентичность. Это означает, что не надо тратить деньги на интеграцию. Соответственно легальные и нелегальные мигранты оказываются в странах нового проживания предоставленными сами себе, и, испытывая фрустрацию, ищут защиту и поддержку в мечетях, частично находящихся под контролем радикальных и террористических организаций.

– **Обострение этнических и религиозных конфликтов.** По всему миру в условиях ослабления национальных государств возрастает конфликтность между культурно-религиозными идентичностями.

Технология – всегда палка о двух концах. С одной стороны, она облегчает террористам взаимодействие, рекрутинг, материально-техническое обеспечение и осуществление кровопролитных актов. С другой стороны, технологии предоставляют властям, располагающим большими ресурсами, чем террористы, возможность своевременно выявлять и распознавать угрозы, а также эффективно купировать их. Впрочем, если им это позволяет общественность.

В ближайшие годы террористические акты будут перемещаться в киберпространство. Это не обязательно означает, что террористические акты будут осуществляться в киберпространстве. Это означает, что террористы всё активнее будут использовать уязвимость критической инфраструктуры государственных, корпоративных и частных сетей, соединённых с интернетом, для осуществления кровопролитных террористических актов. В отличие от традиционных огневых атак, подобные террористические акты чрезвычайно сложно распознать. Это, конечно же, резко дестабилизирует глобальную ситуацию.

Технологии в целом ведут к постепенной передаче многих функций от иерархических, жестко организованных структур к децентрализованным сетям. Не вызывает сомнения, что децентрализованные сети слабее защищены от атак террористов, чем иерархические.

В общем, сопоставляя плюсы и минусы для террористов развития информационно-коммуникационных и иных технологий, приходится сделать вывод: в конкретных сложившихся условиях у террористов появляются новые возможности при снижении рисков. Если бы правительства западных стран смогли задействовать всю мощь своего технологического потенциала, терроризм был бы раздавлен. Однако в условиях экономической слабости государств в Северной Европе и Америке, снижения доверия к органам политической власти со стороны населения и развала системы международного сотрудничества, правительственный потенциал, к сожалению, в основном и остаётся потенциалом.